

— Не говори мне этого! Я спрашиваю, неужели, что бы я ни делал, ты никогда не вернешься?
— с яростью в голосе спросил Чжоу Юньян, сжимая руку Е Тао еще сильнее. — Неужели?!

Е Тао почувствовал, что рука вот-вот сломается, и на спине выступил холодный пот. Такая боль была уже невыносимой. Он резко поднял свободную руку и ударил Чжоу Юньяна в живот. Если бы это было его прежнее тело, удар выбил бы из Чжоу Юньяна весь алкоголь, но сейчас он лишь заставил ничего не подозревающего Чжоу Юньяна отступить на шаг.

Чжоу Юньян, придя в себя, окончательно вышел из себя и замахнулся для удара. Е Тао вовремя отступил назад, едва избежав руки Чжоу Юньяна. Однако разъяренный Чжоу Юньян не остановился и тут же схватил Е Тао за воротник, с яростью сказав:

— Ты посмел ударить меня!

— Ты понимаешь, что делаешь? Ты понимаешь, где находишься? Я ударил тебя, чтобы ты протрезвел! — сказал Е Тао, хватая его за запястье. — Отпусти, я поговорю с тобой, о чем хочешь.

Чжоу Юньян несколько раз тяжело вздохнул, с ненавистью отпустил Е Тао, но не отошел. Е Тао оказался запертым перед деревянной кроватью, край стола почти упирался ему в поясницу.

— Если бы меня вовремя не нашли, я бы умер в холодном и грязном пруду с лотосами, — сказал Е Тао, глядя прямо на высокого юношу, который мог причинить ему вред. — Ты просишь меня простить, дать тебе еще один шанс, но кто даст шанс тому, кто уже умер?

— Ты сам прыгнул туда, я тебя не заставлял! — сдавленно прорычал Чжоу Юньян. — Я даже не знаю, что я сделал такого, что так тебя разозлило. Скажи мне, что я сделал не так? В чем моя ошибка? Объясни!

— Если ты не знаешь, что сделал не так, зачем ты извинялся и просил прощения? — спокойно сказал Е Тао. — Ты знаешь, просто не уверен. Вспомни, что ты сказал той ночью. Все, что ты никогда не сказал бы мне в лицо, я услышал. Ты помнишь? Я помню.

— Если ты слышал, то ты знаешь, в каком состоянии была моя мать тогда? Она плакала и кричала, разве я мог не обращать на это внимания? Я же говорил тебе, что когда она начинает, я могу только соглашаться с ней. Ты помнишь? Ты верил?

— Верил, но теперь нет, и больше не могу, — сказал Е Тао, передавая слова, которые Баобао хотел, но не мог сказать этому человеку. — После того, что произошло, независимо от того, кто прав, кто виноват, я не могу вернуться. Считай, что тот Чжоу Юньси утонул.

Чжоу Юньян некоторое время молча смотрел на Е Тао, а затем вдруг сардонически засмеялся:

— Ты никогда мне не верил. Ты всегда подозревал, что я принял тебя не потому, что ты мне нравишься, а из-за каких-то других причин. Ты никогда полностью мне не доверял.

Чжоу Юньян схватил Е Тао за подбородок, и в его смеющихся глазах был и сарказм, и жалость.

— Чжоу Юньси, ты ведь комплексовал, да? Ты подозревал, что я действовал из корысти, потому что не верил, что ты сам можешь быть для меня привлекательнее, чем то, что оставил отец. Я прав? Ты не заботился о том имуществе, тебя волновал я. Если бы ты мог решать, ты, возможно, отдал бы все это, чтобы я был предан тебе одному. Я прав?

Чжоу Юньян с усмешкой вздохнул:

— Как жалко. Ты даже более жалок, чем я, этот ничтожный господин Юньян.

— Смешно? — сказал Е Тао, отстраняя руку, сжимающую его подбородок. — Насмеялся? Тогда проваливай.

Думая о том, к чему привела Баобао любовь к этому человеку, и как этот человек превратил ту трагедию в оружие, чтобы ранить еще глубже, Е Тао не мог не почувствовать, что Баобао не стоило этого.

— Я не смеюсь над тобой, я смеюсь над твоей жалкостью, мой бедный брат... — с насмешкой сказал Чжоу Юньян, прижав лицо Е Тао и легкомысленно поцеловав его в холодное, но удивительно красивое лицо, после чего с презрением ушел.

Е Тао не хотел злиться из-за этого бесчестного негодяя, но все же почувствовал, как гнев сковывает его. Он нашел таблетки с шалфеем, положил несколько в рот и, не раздеваясь, лег на кровать, через некоторое время тяжело вздохнув.

Едва Е Тао пришел в себя, как услышал легкий стук в дверь. Кто-то вошел. Е Тао открыл глаза, и его лицо, до этого бесстрастное, стало холодным. Он уже мысленно ругал негодяя, который, казалось, решил продолжить свои выходки, как увидел, что из-за ширмы вышел Чжоу Цзыцянь.

Е Тао почувствовал тревогу. Почему он вернулся так рано? Если бы Чжоу Юньян задержался еще на мгновение, он бы застал этого пьяного хулигана в комнате. Е Тао содрогнулся при мысли об этом, не зная, что Чжоу Цзыцянь чуть не вошел в комнату, когда тот приказал Чжоу Юньяну отпустить его.

— Что случилось? Тебя плохо? — с легкой гримасой спросил Чжоу Цзыцянь.

— Нет, просто проснулся, — Е Тао сел, потирая глаза.

Он проглотил не успевшие раствориться таблетки, уголки глаз покраснели от трения, и он, опустив руку, с жалобой сказал:

— Приснился раздражающий сон, так разозлил, что проснулся.

«Негодяй, реакция быстрая, вранье слетает с языка, притворяется, как будто ничего не случилось. Неудивительно, что смог за моей спиной устроить такой беспорядок и чуть не потерял жизнь!»

Чжоу Цзыцянь был раздражен, но сейчас не мог заниматься этим. Его больше беспокоило состояние племянника:

— У тебя одышка? Позвать Гэ Ци, чтобы он тебя осмотрел?

Как бы правдоподобно Е Тао ни врал и как бы ни притворялся, Чжоу Цзыцянь знал, о каком «сне» шла речь.

— Я в порядке, не беспокой деда, не нужно его тревожить, — сказал Е Тао, не желая усложнять ситуацию.

— Дед в кабинете занимается каллиграфией, он не узнает, — сказал Чжоу Цзыцянь, отстраняя рукав, который держал Е Тао. — Лежи и отдыхай.

У Е Тао были проблемы с сердцем, и когда он волновался, у него могло начаться сердцебиение и одышка. Однако он не был в ярости и умел себя контролировать. Когда Гэ Ци взял его за пульс, он уже был почти спокоен.

Е Тао не хотел лежать, чтобы не беспокоить Чжоу Цзыцяня, и, когда Гэ Ци сказал, что ничего серьезного, он хотел встать. Но едва он начал подниматься, как Чжоу Цзыцянь бросил на него строгий взгляд, и Е Тао снова лег, убрав руку, которую протянул для измерения пульса, под одеяло, показывая, что он все понимает.

Проводив Гэ Ци, Чжоу Цзыцянь сел на край кровати. Видя, как Е Тао смотрит на него своими большими черными глазами, он чуть не поднял его и не отшлепал. Он был не просто кроликом — это был настоящий сорвиголова, который устроил столько проблем. Неужели он ослеп или его мозг съели собаки, что он так долго ничего не замечал?

Хотя лицо Чжоу Цзыцяня оставалось бесстрастным, Е Тао, находясь под его взглядом, почувствовал странный холодок. Он осторожно, как будто ничего не произошло, спросил:

— Дядя, ты же ходил к родственникам? Почему вернулся так рано?

— Я выпил за обедом, голова немного болит, поэтому вернулся пораньше.

— А, — Е Тао кивнул, а через некоторое время добавил. — Может, прилечь?

— Я в порядке, — сказал Чжоу Цзыцянь, слегка улыбнувшись и щипнув его за щеку. — Главное, чтобы ты был в порядке, тогда я спокоен.

«Негодяй, продолжай играть свою роль, только не выдавай себя до возвращения в столицу, иначе я с тебя шкуру спущу!»

На десятый день Нового года они, как и планировали, вернулись в столицу. Обратный путь не довел Е Тао до болезни, но и легким не был. Как только он переступил порог дома, его встретил гнев Баобао. Кот, оставшийся дома больше чем на две недели, был полон негодования.

Е Тао передал подарки и деньги, которые привез из Хуэйчжоу, надеясь, что искренние извинения успокоят Баобао. Однако кот не собирался сдаваться, упирался и кричал:

— Тебе деньги не нужны, а мне они зачем? Чтобы шерсть подстричь? К тому же ты берешь то, что мне подарили дед и дядя, и думаешь, что можешь этим меня успокоить? Ты считаешь меня дураком?!

Немного подумав, Е Тао снял с шеи нефритовую бирку:

— Дядя еще подарил это, посмотри, нравится?

Авторское примечание:

Почему дядя не раскрыл всё? Почему он не разозлился на своего «питомца» за то, что тот флиртует с другими? Узнайте в следующей главе! (Не обращайтесь внимания, я просто шучу, хаха).